

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЕДИНИЦ РУССКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ

*(на материале имен существительных
со значением лица)*

Проблема эквивалентности языковых единиц, а также вопросы, связанные с так называемой безэквивалентной лексикой, все чаще затрагиваются в последнее время в исследованиях по сопоставительному изучению языков различных систем.

Одним из актуальных фундаментальных вопросов перевода являются такие понятия как «эквивалентность», «адекватность», «модель перевода». Данные понятия являются не только понятиями теории перевода, но и одним из центральных понятий всего языкознания. (Арнольд, 1976, 11).

Проблема эквивалентности не раз затрагивалась как в общей литературе по теории перевода, так и в специальных исследованиях. Тем не менее границы безэквивалентной лексики (далее БЭЛ) остаются недостаточно четко очерченными. Долгое время термин «безэквивалентная лексика» приравнивался к термину «реалия», что, как известно, обозначает предметы, вещи материальной культуры данного народа. Вместе с тем, в настоящее время очевидно, что границы БЭЛ гораздо шире. Это неоднократно подчеркивается в книге С.Влахова и С.Флорина значительное место, в которой уделяется описанию различных типов БЭЛ и способов ее перевода. При этом они отмечают, что БЭЛ является широким по своему содержанию понятием и что реалии входят в ее рамки лишь как один из ее видов (Влахов, Флорин, 1980, 38-46). В книге Л.С. Бархударова «Язык и перевод» подробно рассматривается вопрос о БЭЛ.

Итак, в настоящее время существует несколько точек зрения на БЭЛ:

1. БЭЛ - синоним неперсводимого
2. БЭЛ - синоним реалий

3. БЭЛ - не сводится к реалиям. Она составляет довольно обширную группу различных типов лексических единиц, не имеющих эквивалентов во втором языке, но не отождествляется с непереводимым.

Последняя точка зрения, намеченная в книге Л.С. Бархударова «Язык и перевод», а также в работах болгарских авторов С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» представляется нам более верной. Термин эквивалентность предполагает наличие в языке переводе лексического соответствия, равноценного оригиналу. Г.В. Чернов рассматривает три разновидности условия лексической эквивалентности. Во-первых, единая отнесенность к действительности лексической единицы данного языка и ее соответствия во втором

языке. Во-вторых, равноценность понятийного центра лексического значения единицы и ее соответствия, что можно выявить, сравнивая объемы и содержания лексических значений исходной единицы и ее соответствия. Наконец, эквивалентность предполагает равноценную лексическую сочетаемость и равноценное употребление лексических единиц (равноценность сферы употребления, в частности, стилистические и эмоциональные характеристики) (Чернов, 1958, 87). К проблематике эквивалентности примыкает вопрос о безэквивалентной лексике. В зависимости от источника безэквивалентности на основе определенного эквивалента выделяются три вида безэквивалентности:

- 1) вещественная
- 2) лексико-семантическая
- 3) стилистическая.

Тот факт, что многие слова не имеют прямых эквивалентов в других языках отмечается многими исследователями уже с давних времен. Так, в арабских наречиях имеются десятки и сотни слов для обозначения верблюдов, лошадей, для различения оттенков бурого цвета. У народов севера, в частности, у эскимосов, имеются чрезвычайно дробные понятия о типах и видах снега, причем общего понятия «снег» может и не быть (Чернов, 1958, 71).

Значения слов в разных языках редко полностью совпадают, то есть отрезки действительности неодинаково членятся лексикой разных языков. Но «при всем многообразии культур люди «земного шара» имеют столько общего, что они всегда в состоянии понять друг друга и составить правильное представление о предметах речи» (Звсгинцев, 1962, 338), действительно, языковое оформление мысли не является одинаковым во всех языках. Существование у эскимосов множества названий снега определяется не знаком, а условиями существования данного народа. Просто эскимосы видят, и, следовательно, концептуализируют (Шенк, 1980, 13), то есть создают в понятии много типов снега и при его образе жизни необходимо словесно разграничивать их. Таким образом, для каждого народа характерны специфические условия материальной жизни, культуры, общественного устройства, то есть каждый народ обращает внимание на разные стороны действительности.

В данной работе термин «безэквивалентная лексика» применяется в отношении всех единиц русского языка, не имеющих в кыргызском языке однословных

лексических эквивалентов и переводящихся с помощью составных соответствий в виде словосочетаний или фразовых наименований.

Л.С. Бархударов отмечает, что случаи полного соответствия лексических, единиц двух языков наблюдаются в сфере слов однозначных, т.е. имеющих всего лишь одно лексическое значение (Бархударов, 1979, 13). Но, несмотря на то, что имена существительные со значением характеристики лица в основном однозначные, слов, имеющих полное соответствие в кыргызском языке не так много.

Однословные, однозначные эквиваленты русских имен существительных лица в кыргызском языке представлены не только существительными, но и прилагательными.

Анализ материала позволяет выделить среди имен существительных со значением лица три основные группы:

1. Слова, полностью эквивалентные в обоих языках.
2. Слова, одинаково звучащие в обоих языках, то есть интернационализмы.
3. Безэквивалентные слова:
 - а) слова, отсутствующие в переводном словаре
 - б) переведенные путем описания;

Первая группа - существительные лица русского языка, имеющие соответствия и по структуре и по содержанию, т.е. существительные лица русского языка = существительные кыргызского представлена такими единицами: претендент талапкер; добытчик - табышкер; грабитель - талоончу; развратитель - бузуучу; хохотун - кулкучу; кровопийца - канкор; мечтатель - кыялкеч; разрушитель - кыйраткыч; карьерист - мансапкор; взяточник - паракор; распространитель - таратуучу; растеряха - жоготкуч; лизоблюд - кошоматчы; жулик (во 2-зн.) - алдамчы; бродяга - селсаяк; рвач - жегич (во 2-зн.); придира - кыйкымчы; подхалим - кошоматчы; пострел - тентек; подлиза - жасакер; соня - уйкучу; лгун - калпычы; обманщик - алдамчы; обидчик - таарынтуучу; расточитель - ысырапчы; подстрекатель - бузуку; предатель - чыккынчы; оскорбитель - кордоочу; ловелас - катынпоз; забавник - куудул; ябедник - ушакчы;

Вторая группа - существительных лица русского языка переведенных на кыргызский язык именами прилагательными представлена единицами: франт - сыланкороз; баловень - эрке; простофиля - аңкоо; мошенник - митаам; упрямец - өжөр; скупец - саран; оборванец - самтырак; притворщик - анткор(во 2-зн.); обжора - соргок; лодырь - жалкоо; коротышка - корто; попрошайка (во 2-зн.) - суранчаак; зазнайка - кекирейген; пересмешник - шылдыңкор; весельчак - шайыр; транжир - ысырапкор (акчатуёт).

При анализе этой группы необходимо отметить, что имена прилагательные в кыргызском языке противопоставлены с одной стороны, наречиям, которые выражают признак действия или признак признака, с другой стороны, - существительным, которые обозначают сам предмет. Следовательно, имя прилагательное кыргызского языка является неизменяемой частью речи. Связь с определяемым словом выражается в форме примыкания.

Имена прилагательные кыргызского языка могут выступать в роли определения и сказуемого. Как определение оно всегда стоит на первом месте, то есть перед определяемым словом.

Имена прилагательные в кыргызском языке свободно субстантивируются, принимая все морфоло-

гические признаки имен существительных (аффиксы числа, падежа, принадлежности, сказуемости).

В третьей группе существительных со значением лица, выделяются слова, переведенные путем описания. Насчитывается множество таких слов, переведенных путем описания. Как подчеркивают лексикографы, бесспорной является истина, что определенное количество слов может быть переведено с одного языка на другой только описательно (Берков, 1977, 124).

В лингвистической литературе нет единого названия для слов указанной группы. Функционируют следующие термины, «составные соответствия» (Петжак, 1985, 64), «описательный перевод» (Минаев, 1965, 97), «синтаксически расчлененные наименования» (Мигирин, 1973, 129); «деривационные сочетания» (Никитевич, 1975, 350; Волоцкая, 1982, 32); «описательные единицы» (Федорова, 1979, 17); «синтаксические и фразовые наименования» (Мигирина, 1980, 163, Котельникова, 1982, 30) и т.д.

Данный выше перечень терминов свидетельствует об отсутствии единства и системы в классификации интересующих нас номинативных единиц. Это вызвано, по-видимому, теоретической неразработанностью вопроса о границах номинативной единицы, отсутствием критериев формального анализа типичных (слов) и нетипичных (составные наименования) знаков.

Несмотря на то, что данный вопрос еще до конца не разработан, сегодня среди ученых уже нет сомнений насчет того, что многие виды словосочетаний и даже целые предложения выполняют иногда номинативную функцию и тем самым - наравне со словами - получают в языке статус номинативных единиц (Петжак, 1985, 66).

В анализируемом нами материале, как уже отмечено, составные соответствия являются довольно большой группой. По своей структуре составные соответствия делятся в свою очередь на две группы: 1) выраженные словосочетаниями; 2) представляющие собой фразовые наименования.

Составные соответствия, выраженные словосочетаниями, представлены тремя разновидностями:

1) словосочетания, в которых один компонент указывает на лицо. Например: доброжелатель - бирөөгө жакшылык тилөчү, женоненавистник - аялды жаман көрүүчү; верхогляд - үстүнөн биүүчү; отгадчик - табышмак жандырып табуучу; мститель-өч алуучу; кляузник(1-зн.) - сотко берүүчү; ненавистник - жек көрүүчү; путаник - чаташтыра берүүчү; наушник - сөз ташыгыч; полуночник - кеч жатуучу; мот - ысырап кылгыч; обожатель, өтө жакшы көрүүчү.

2) Словосочетания, представленные устойчивыми сочетаниями. Например: летун (2-зн.) - жел таман; недотрога - чынтийбес; злопыхатель - көрө албас; белоручка - ак кол; мироед - кан соргуч; дармоед - арам тамак; злока - кара мүртөз; скряга - кату баш; мерзавец - каргыш тийгир; сладкоежка - таттуу жандуу; лицемер - эки жүздүү; завистник - көрөалбас (ичи тар); шельма (во 2-зн.) - куу такым; сквалыжник - ачкөз; заморыш - ара бечел.

3) Слова, представленные обычными словосочетаниями например: чудака - келесоо чалыш; привередник - эч нерсени жактырбаган киши; усач - чон муруттуу; изверг - сопусунган киши; всезнайка - билгичсинген адам.

II. Составные соответствия, представляющие собой фразовые наименования: крохобор - майдачыл,

майда ишке алагды болгон; потворщик - «куп, макул, мейли» дей берчү адам; ветреник - жеңил мүнөз киши; крючкотвор» – болбогон майда-чүйдө нерсеге формалистик мамиле кылуу; замарашка-булганыч, ыпылас жүргөн киши; зевака – аны-муну карап, тим эле басып жүргөн киши; завсегдатай – калбай дайыма келип туруучу киши; лихач - (2 зн.) калдактаган, мыктылыгын, шамдагайлыгын ыгы жок көрсөтүүчү; пролаза – ашкан куу, алчы-таасын жеген; мямля – оюн ачык айта албаган; попрыгун – жаны тынбаган, секирип токтоно албаган; свистун - (1-зн.) – ышкырып жүргөндү жакшы көргөн адам; делец – урунуштурган шылуун адам; егоза – ыгы жок шашкалак, бир жерде тура албаган адам; бессребреник – акчага кызыкпаган, байлыкка кызыкпаган адам; пакостник – бирөөгө жамандык кылуучу арамза киши; неудачник – жолу дайыма болбогон киши; службист – өтө тырышчак, бирок өзүнүн кызматтык милдеттерине эң эле формалдуулук менен маниле кылган киши, простак – куулук шумдугу жок, аңкоо чалыш киши; пошляк – уят-сыйыт сөздөрдү көп сүйлөгөн киши.

Следует также отметить, что наблюдаются многочисленные случаи, когда русскому слову в конкретном значении соответствует в кыргызском языке не одно, а несколько слов. В подобных случаях значение исходного слова русского языка, «как бы растворено» в целом ряде слов эквивалентов и «полностью» может быть охвачено лишь суммой эквивалентов» (Леэметс, 1984, 203). Например: рогатый – ачык ооз, аңкоо, элегей; негодник - жарамсыз, жаман шум киши; нахал - бетсиз, уятсыз, арсыз; недотепа - чоркок, жүнү бош, эби жок; непоседа – турумсуз, отурбас, тынчы жок; растяпа - далдырак, жүнү бош, ачык ооз; невежа - одоно, олдоксон, адепсиз, тартипсиз; невежда - маданиятсыз, билимсиз, түркөй, наадан; ловкач - маш, эпүү, өтүмдүү, ыктуу; ломака - чоюлган, чоектогон, кылжыкей; забияка – көрүнгөнгө катылган, урушчак, чырчыгаргыч; молокосос - оозуна сүтү кете элек, катылбаган, тажрыйбасы жаш; скромник - уялчак, токтоо, жөнөкөй, уят-сыйыттуу.

Кроме того, что безэквивалентные слова передаются путем описания (или составными соответствиями) при сопоставлении существительных со значением лица выделяются слова, не вошедшие в переводной словарь сопоставляемых языков. Например: слабак, мерзляк, середняк, жмот, побирушка, угодник, колобродник, прибауточник, сладострастник, каверз-

ник, лукавец, приспособленец, паршивец, страдалец, строптивец, форсун, визгун, ползун, бормотун, вертун, лизун, лепетун, молчун, посягатель, уговорщик, пантрапа, надоеда, паскуда, прохиндей, лопух, зануда, брезгливец, хохмач, сердяга, миляга, деляга, обормот, зубрила, обирала, страшило, подлипала, воротила, здоровила, грязнуля, чистюля, миролюбец, честлюбец, правдолюб, жизнелюб, недоумок, брюхач, брюхан, хрипун, деревенщина, мужлан, горлодер.

В кыргызском языке можно найти эквиваленты данным словам. Для объяснения причин отсутствия данных слов в словаре необходимо остановиться на проблеме коннотативного значения.

Литература

1. Арнольд Н.Д. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиздат, 1957.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. -М.: Международные отношения, 1975.
3. Берков В.В Слово в двуязычном словаре. - Таллин: Валгус, 1977.
4. Волоцкая З. М. Опыт описания деривационных значений: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. -с.24.
5. Верещагин Е.М. Костомаров В. Г. Язык и культура лингвострановедения и преподавания русского языка какиностранного. - М.: Русский язык, 1973, -269 с
6. Влахов С, Флорин С. Непереводимое в переводе. -Международные отношения, 1980. -342 с.
7. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. -М.: Изд.-во Москов. ун.-та, 1962. -384 с
8. Леэметс Х.Д Отражение семантики слова в двуязычном словаре. //Слово в грамматике и словаре. – М.:Наука, 1984. -с.200-205.
9. Мигирин В.И. Язык как система категорий отражения. - Кишинев, Штиница, 1973. -237 с.
10. Никитевич В.М. О деривационном анализе. //Актуальные проблемы русского словообразования. -Ташкент: Изд. Ташкент гос.пед.ин-та им. Низами, 1975. -345. -360 с.
11. Петжак К. Общее специфическое в словообразовательных системах русского и польского языков: Дисс.... канд. филол. наук. - Минск, 1985. -170 с.
12. Чернов В.Г. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык: (на материале общественно-политической литературы): Дисс.... канд. филол. наук. -М., 1988. -296 с.
13. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. -М.: Энерго, 1980. -290 с.
14. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. - М.: Наука, 1981.